

Revue des études slaves

XC 1-2 | 2019
Les révolutions russes de 1917
Enjeux politiques et artistiques

ЯЗЫКОВАЯ АРХАИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Les archaïsmes dans la langue de l'époque révolutionnaire

Language Archaism in the Revolutionary Period

Aleksandra Pletneva

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/res/2806>

DOI : [10.4000/res.2806](https://doi.org/10.4000/res.2806)

ISSN : 2117-718X

Éditeur

Institut d'études slaves

Édition imprimée

Date de publication : 20 juillet 2019

Pagination : 91-108

ISBN : 978-2-7204-0560-0

ISSN : 0080-2557

Référence électronique

Aleksandra Pletneva, « Языковая архаика революционной эпохи », *Revue des études slaves* [Онлайн], XC 1-2 | 2019, Выложить онлайн 20 juillet 2020, Наводить справки в 09 décembre 2020.
URL : <http://journals.openedition.org/res/2806> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/res.2806>

Revue des études slaves

ЯЗЫКОВАЯ АРХАИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Aleksandra PLETNEVA
Académie des sciences, Moscou

I

Русская революция, ставшая причиной коренной ломки привычного уклада и системы ценностей, привела к существенным изменениям в литературном языке. О «языке революционной эпохи» начали писать уже в первые послереволюционные десятилетия. Достаточно вспомнить работы Андре Мазона¹, С. О. Карцевского² и А. М. Селищева³. Они отмечали появление большого числа заимствований, а также калек с немецкого, польского и других европейских языков. И это вполне ожидаемые изменения. Новая жизнь требовала новых слов, старые реалии должны были получить новые имена и таким образом стать частью новой жизни. Нечто подобное происходило и в Петровскую эпоху. Структуры и принципы государственного управления тогда получали новые имена, хотя сами реалии нередко оставались прежними⁴. При этом, говоря о языковых изменениях революционной эпохи, мы говорим о пятнадцатилетнем периоде между первой русской революцией и началом 20-х годов. Даже революционные изменения в языке происходят не мгновенно, и наблюдать их удобнее на сравнительно продолжительных отрезках времени.

В конце XX – начале XXI века, когда все, связанное с русской революцией, окончательно отошло в область истории, появились опыты обобщающих работ, включающих языковые изменения революционной эпохи

1. André Mazon, *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914-1918)*, Paris, 1920 ; ср. переиздание: André Mazon, Roman Jakobson, *la Langue russe, la guerre et la révolution*, sous la direction de Sylvie Archaimbault et Catherine Depretto, Paris, Eur'Orbem éditions, 2017.

2. С. О. Карцевский, *Язык, война и революция*, Берлин, Русское универсальное издательство, 1923.

3. А. М. Селищев, *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)*, М., Работник просвещения, 1928.

4. А. А. Плетнева, А. Г. Кравецкий, « Служба, промысел, работа: к истории слов и понятий », *Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени*, М., Языки славянских культур, 2009, с. 154-161.

в более широкий контекст общественных преобразований. В. М. Живов в своей статье «Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева⁵» по новому объясняет сдвиги, произошедшие в лексике русского языка революционной и постреволюционной эпох. Вслед за Пьером Бурдьё он считает, что одной из функций литературного языка в Новое время является функция социального доминирования⁶. При смене элит новая элита должна подтвердить свое право на владение национальным языком. Те, кто утверждает и поддерживает языковые правила, и есть люди, обладающие социальным капиталом, они и есть элита нового общества. Задачей новой власти в сфере языкового строительства было утвердить свое право диктовать языковые нормы. Эта теория хорошо объясняет вхождение в литературный язык новой заимствованной лексики, вульгаризмов, блатного жаргона и даже проникновение в него диалектных и просторечных слов.

Подход В. М. Живова к вопросу о языке революционной эпохи кажется нам очень продуктивным и хорошо объясняющим многие процессы, происходившие в русском литературном языке. Но один вопрос так и остается открытым и не получает сколько-либо внятного объяснения. Известно, что в языке революционной эпохи значительное место занимают славянизмы и канцеляризмы-архаизмы (Е. Д. Поливанов называл их «славянским языком революции⁷»), но остается неясным, почему строители нового мира и общества будущего столь активно пользуются языковыми средствами прошлых эпох⁸. Говоря об архаике, мы имеем в виду несколько неожиданную актуализацию в литературном языке архаичных пластов, лежащих за пределами стилистически нейтрального употребления. Объяснить это явление на основе идей П. Бурдьё не удастся.

Прежде чем мы перейдем к изложению собственной гипотезы, объясняющей это явление, необходимо сделать небольшое терминологическое отступление и оговорить, в каком значении в настоящей статье используются термины «архаизм» и «славянизм».

Под архаизмами мы понимаем слова, вытесненные из активного употребления другими лексическими единицами, но оставшиеся в пассивном словарном запасе. Эти слова активно используются в художественной и публицистической речи в основном в качестве стилистического средства,

5. В. М. Живов, «Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева», *Отечественные записки*, 2005, № 2 (23), с. 175-200.

6. P. Bourdieu, *Language and Symbolic Power*, Cambridge, Polity press, 1991. В. М. Живов *История языка русской письменности*, М., Университет Дмитрия Пожарского, 2017, т. 1, с. 37-43.

7. Е. Д. Поливанов, «О блатном языке учащихся и о “славянском языке” революции», Е. Д. Поливанов, *За марксистское языкознание*, М., Федерация, 1931, с. 161-172.

8. Описание свойственных канцелярскому языку архаизмов, используемых авторами советской пропагандистской литературы, по горячим следам сделал А. М. Селищев. См.: Селищев, *Язык революционной эпохи...*, с. 59-62. О влиянии текстов, принадлежащих православному дискурсу, см. там же, с. 62-68.

позволяющего соотносить высказывание с определенным дискурсом. Архаизмы частично пересекаются со славянизмами, или церковнославянизмами, и в рамках настоящей работы славянизмы будут рассматриваться как один из видов архаизмов. Охарактеризуем славянизмы чуть более подробно. В лингвистической литературе этот термин употребляется в двух значениях⁹. Так называют слова, фразеологизмы и словообразовательные элементы церковнославянского происхождения. Сюда относят неполногласие формы, начальное *е-* на месте *о-* (езеро, елень и др.), суффиксы *-уц* (*-юц*), *-ац* (*-яц*) у причастий и т.д. В этом значении термин «славянизм» употребляют при анализе древнерусских текстов, где важно разграничить материал южно – и восточнославянского происхождения. Когда же речь идет о текстах второй половины XVIII-XIX вв., термин «славянизм» используется в другом значении. Применительно к этому времени говорят не о генетических, а о культурно-стилистических, или функциональных, славянизмах. Разумеется, славянизм является стилистическим средством только в тех случаях, когда слово имеет стилистически нейтральный эквивалент. Так, для слов *очи, уста, свеца* такими нейтральными эквивалентами являются слова *глаза, губы, свеча*. В самом общем смысле славянизмы являются стилистическим маркером, указывают на высокий стиль и/или отсылают к церковному дискурсу. Однако в каждом конкретном случае славянизмы связывают данный текст с другим культурно-значимым текстом, написанным на церковнославянском языке или имеющим отношение к церковной словесности. Так, например, наличие славянизмов в торжественной оде отсылает читателя к псалмам и библейским песням, а появление их в речи адвоката, апеллирует к церковной проповеди.

Таким образом, славянизм можно рассматривать как частный случай архаизма. Примерно под тем же углом зрения можно рассматривать появление в литературных текстах фольклорных элементов и канцеляризов-архаизмов. Наличие в тексте на литературном языке слов *чудище* или *добрый молодец* отсылает к сказкам и былинам и указывает, что высказывание каким-то образом связано с национальной проблематикой (или же иронией по поводу этой проблематики). Если в тексте конца XIX – начала XX века встречаются слова *сей, таковой, коего, коему* и др., то это можно рассматривать как стилистическое средство, отсылающее к языку канцелярий, т.е. официальному языку прошлого, что в некоторых случаях может

9. См.: Г. О. Винокур. «О славянизмах в современном русском литературном языке», Г. О. Винокур, *Избранные работы по русскому языку*, М., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1959, с. 443-459; В. В. Замкова. *Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке середины XVIII в.*, Л., Наука, Ленинградское отд-ние, 1975; Ж. К. Кышова, *Славянизмы как историко-культурный феномен: синхрония vs диахрония*, М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2014 ; Е. С. Копорская, *Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени*, М., Наука, 1988; Б. А. Успенский, «К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка», *Wiener slavistisches Jahrbuch*, v. 22, Wien, 1976, с. 92-100.

являться средством речевой характеристики персонажа или элементом языковой игры. И славянизмы, и канцеляризмы, и фольклоризмы по сути являются архаизмами с точки зрения синхронного состояния русского литературного языка, разница лишь в том, к какому типу дискурса они отсылают¹⁰.

II

Сделав необходимые терминологические оговорки, мы можем вернуться к обсуждению поставленного выше вопроса о том, почему публицисты революционной эпохи столь охотно использовали в своих текстах архаизмы. Для этого нам придется по-новому взглянуть на языковую ситуацию дореволюционной России. Обычно мы представляем себе русский литературный язык XVIII-XX веков как единственный письменный язык русского населения империи. Все курсы истории русского литературного языка построены как эволюция той нормы, которой придерживалась культурная элита страны. Другие языковые страты если и рассматриваются, то исключительно как тупиковые явления, изолированные от магистрального пути развития русского языка¹¹. Например, о церковнославянском языке упоминается в первую очередь в связи со спорами о месте славянизмов в русском литературном языке¹².

Описание истории русского литературного языка как линейного процесса несколько упрощает реальное положение вещей. Дело в том, что в России параллельно с русским литературным языком продолжал в качестве богослужебного функционировать церковнославянский язык. В той или иной степени этот язык был знаком всему православному населению. В деревнях даже в пореформенное время, когда развивается земская школа, сохранялось домашнее обучение церковнославянскому языку, то есть этот язык был если непонятен, то, по крайней мере, привычен. Но и это не все. Вплоть до XX в. параллельно с русской классической литературой существовала народная литература, связанная с тем регистром русского языка, который по ряду параметров существенно отличался и от литературного

10. Относя славянизмы, канцеляризмы и фольклоризмы к архаизмам, мы не забываем, что в реальной жизни человека конца XIX-начала XX века эти языковые элементы присутствовали не только как архаизмы лексической системы русского литературного языка. На церковнославянском языке совершалось православное богослужение, фольклорные тексты продолжали бытовать среди крестьянского населения, архаические канцеляризмы могли использоваться в деловой переписке. Однако стилистически нейтральные тексты, как правило, избегали использования этих элементов лексики.

11. См.: В. В. Виноградов, *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков*, М., Высшая школа, 1982, с. 208-249.

12. См.: Б. А. Успенский, *Из истории русского литературного языка XVIII-начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*, М., МГУ, 1985, с. 30-41, 108-121. В. М. Живов, *Язык и культура в России XVIII века*, М., Языки русской культуры, 1996, с. 184-194, 368-375, 497-509.

языка, и от церковнославянского. Здесь мы не будем останавливаться на этом подробно¹³. Для нас в данный момент существенно то, что язык массовой народной литературы в лексическом отношении достаточно сильно отличался от литературной нормы, он включал в себя разнообразные лексические пласты, отвергнутые литературным языком. Здесь встречались и славянизмы, и канцеляризмы, и экспрессивная просторечная лексика. В XVIII в. лубочные повести, сказки, рукописные сборники, содержащие сочинения развлекательного характера, были любимым чтением горожан, не принадлежащих к новой элите, в XIX в. все эти сочинения стали читаться и в деревне. Обо всем этом есть свидетельства этнографов и есть некоторое количество работ, посвященных этой письменной традиции¹⁴.

В начале XX в. пропагандисты и агитаторы, принадлежащие к разным политическим партиям, осознавали, что к народу нужно обращаться не так, как к представителям образованных сословий. В тех ситуациях, когда они пытались создать текст, который будет понятен рабочим и крестьянам, они неизбежно начинали копировать массовую народную литературу. Именно поэтому тексты, адресованные широкой аудитории, подвергались некоторой славянизации вне зависимости от партийной принадлежности их авторов. При этом сами авторы, исходя из своих задач, видели в славянизмах не архаику, а, так сказать, народность. Однако читатель, воспитанный на нормах литературного языка, воспринимает агитационные тексты как тексты, насыщенные языковой архаикой.

Ниже будет рассмотрена агитационная продукция (в первую очередь – листовки), созданная в 1905-1920 гг. различными российскими политическими партиями. Рассматривая этот материал, мы попробуем проанализировать особенности употребления славянизмов, риторических фигур и конструкций, связанных с православным дискурсом. Все примеры, приведенные ниже, заимствованы из позднейших антологий и сборников документов. Для большевистских материалов это издания советского времени, для всех остальных – постсоветского. Цитаты приводятся в орфографии этих изданий.

13. См.: А. Г. Кравецкий, «Литургический язык как предмет этнографии», *Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой*, М., Индрик, 1999, с. 228-242 ; А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева *История церковнославянского языка в России (конец XIX-XX в.)*, М., Языки русской культуры, 2001, с. 25-41 ; А. А. Плетнева, *Лубочная Библия: язык и текст*, М., Языки славянской культуры, 2013, с. 30-40.

14. Этнографический материал можно найти в публикациях материалов Этнографического бюро князя Тенишева: *Быт великорусских крестьян. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева* (На примере Владимирской губернии). Авторы-составители: Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993; *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева*, т. I-V,4, СПб., Деловая полиграфия, 2004-2008 (Издание продолжается). Анализ этого материала в связи с проблемами языковой компетенции жителей Российской Империи см. в работах, указанных в предыдущей сноске.

III

Начнем с правых партий. Правые партии представляли собой достаточно пестрый конгломерат организаций и движений, которые современники, а вслед за ними и потомки называли «Союзом русского народа» или «черносотенцами». Для нашей темы политические и тактические различия внутри правого движения не представляются существенными. Материалы агитационной продукции правых партий мы заимствуем из антологии, подготовленной Ю. И. Кирьяновым¹⁵.

Достаточно интересным представляется текст «Воззвание союза русского народа» (1905 г.), напечатанный в харьковском журнале «Мирный труд»:

Собирайтесь, люди русские, по деревням, по селам, по станицам, слободам, по малым и большим городам, по аулам и обширным степям.

Замышляют наши недруги, враги хитрые и коварные, погубить Святую Русь, расшатать устои вековечные, веру православную и власть Царя державную, водрузить знамя красное на Святой Руси, восстание-революцию проповедуя, учредить республику самовольщину. [...]

И не год, не два разрастается та крамола подпольная, и как змей обвила она землю русскую, над крестом святым насмехаючись, самому Царю угрожаючи¹⁶.

Язык этого воззвания сознательно архаизован и ритмизован. Причем его составитель ориентируется не столько на церковные тексты или тексты народной литературы, сколько на фольклор: на былины, исторические песни, духовные стихи. Конечно же, эта листовка представляет собой не правило, а исключение. Но это исключение в предельной, несколько утрированной форме демонстрирует определенную языковую специфику, которая будет в той или иной степени присутствовать и в других текстах. В первую очередь, в данном фрагменте обращает на себя внимание порядок слов, при котором прилагательное находится после существительного: *враги хитрые и коварные, устои вековечные, вера православная, власть царя державная, знамя красное, крамола подпольная, земля русская*. Для русского литературного языка такой порядок слов не характерен¹⁷, а вот для церковнославянских текстов и для языка фольклора он представляется обычным. Кроме того, здесь употребляются нелитературные формы деепричастий *насмехаючись, угрожаючи*, которые, несомненно, отсылают читателя к фольклорным текстам. Листовка заканчивается молитвой Георгию Победоносцу, что опять же может соотноситься как с церковными текстами, так и с духовными стихами:

15. Ю. И. Кирьянов, *Правые партии в России*, т. 1-2, 1911-1917, М., РОССПЭН, 2001.

16. Там же, т. 1, с. 71.

17. И. И. Ковтунова, *Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в.*, М., Наука, 1969, с. 3-9.

Молим Господа, да не будет змею красному одоления! Помоги же ты, Святой Георгий Победоносный; на русском щите образ твой, змея лютого поражаешь ты, так и нам дай Витязь Господа, устранить врага, сохранить Святую Русь, единую, неделимую; защити щитом твоим Божественным Царя нашего, дабы вел он нас своею волей царскою по пути любви и согласия¹⁸.

В листовках правых партий в большом количестве встречаются и славянизмы. Вот пример из листовки Союза русского народа «Самодержавие и абсолютизм» (1905 г.):

Царь и народ составляли тогда нечто единое, не было между ними никакого средостения, голос народа доходил до Царя непосредственно¹⁹.

Судя по примерам из Национального корпуса русского языка, в современном русском литературном языке слово *средостение* употребляется либо в религиозных текстах, либо в медицинских (здесь оно является термином, обозначающим комплекс органов, расположенных между правой и левой плевральными полостями). Очевидно, что политическая агитация никак не связана с медициной и что автор совершенно сознательно стремился соотнести листовку с текстами, относящимися к религиозной сфере. Еще пример из той же листовки:

Только гигантская сила Петра I смогла справиться с такой задачей, но эта же сила, действуя в иных случаях против воли народной, наделала таких ошибок, за которые мы еще и теперь вынуждены расплачиваться. Затем уже пошли канцелярщина, бюрократия и прочие прелести, а в последние времена у нас нет даже абсолютизма²⁰.

Слово *прелесть* здесь употребляется в церковнославянском значении: ‘лживые, неправильные вещи’²¹, что не характерно для литературного языка начала XX в.

В просмотренных нами материалах встречаются не только лексические, но и фонетические славянизмы. В качестве примера приведем фрагмент из воззвания Союза русского народа по поводу 50-летия отмены крепостного права:

Сегодня исполнилось полвека с того исторического дня, когда в Бозе почивающий Дед нашего возлюбленного Государя благословенной памяти Император Александр Николаевич Манифестом своим от 19 февраля 1861 года освободил с землею все 22 миллиона бывших тогда помещичьих крестьян от крепостной зависимости²².

18. Кирьянов, *Правые партии...*, т. 1, с. 71.

19. Там же, т. 1, с. 79.

20. Там же.

21. Ср.: О. А. Седакова, *Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю*, М., Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005, с. 271.

22. Кирьянов, *Правые партии...*, т. 2, с. 13-14.

Выражение *в Бозе почивающий* в тексте, написанном на русском языке, воспринимается как цитата из богослужения.

В листовках правых партий встречается восходящее к церковной проповеди обращение *братья*: (*Братья – союзники!*²³), причем, как мы увидим дальше, в текстах левых партий такое обращение также распространено. Вообще, если убрать фольклорную стилизацию, риторика правых партий напоминает риторiku левых партий. Так, «Предвыборное воззвание к русскому народу Союза Михаила Архангела» (1912 г.) содержит фрагменты, напоминающие лозунги советских времен, например: *высоко держать знамя единства России в состоянии только неограниченная власть Царя самодержца*²⁴. Конструкция «знамя + Gen» (*знамя единства*) характерна для политического языка эпохи вне зависимости от партийной принадлежности. Вот примеры из Национального корпуса русского языка приблизительно того же времени: *Товарищи! Мы решили открыто заявить, кто мы, мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы!* (М. Горький, «Мать», 1906); *Так рассуждала русская молодежь в ту пору, когда она отбрасывала предрассудки «старого мира» и развертывала знамя нигилизма (т.е., в сущности, анархической философии)* (П. А. Кропоткин, «Нравственные начала анархизма», 1906 г.) Любопытно, что при переводе «Варшавянки» эту же конструкцию использует Г. М. Кржижковский:

*Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.*

В польском оригинале семантико-синтаксическая конструкция иная, там есть слова *знамя всего человечества*, то есть родительный принадлежности, но ничего похожего на *знамя борьбы* нет:

*Śmiało podnieśmy sztandar nasz w górze,
Choć burza wrogich żywiołów wyje,
Choć nas dziś gnębią siły ponure,
Chociaż niepewne jutro niczyje.
O, bo to sztandar całej ludzkości,
To hasło święte, pieśń zmartwychwstania,
To tryumf pracy, sprawiedliwości,
To zorza wszystkich ludów zbratania!*

Представляется возможным, что подобная конструкция могла развиваться из церковной письменности. Для церковнославянского языка характерно подобное словосочетание с однокоренным словом «знамение». Причем, согласно данным церковнославянского подкорпуса Национального корпуса

23. Кирьянов, *Правые партии...*, т. 2, с. 13.

24. Там же, т. 2, с. 216.

русского языка, эта конструкция «знамение + Gen» характерна прежде всего для акафистов, большая часть которых имеет русское происхождение. Вот некоторые примеры: *знамение благодати* (Акафист Богородице перед иконой «Утоли мои печали»), *знамение торжества* (Акафист Богородице перед иконой Порт-Артурской), *знамения Твоя благодати* (Акафист Богородице перед Казанской иконой), *знамение твоего теплого о нас на небеси ходатайства* (Акафист Иннокентию Иркутскому), *знамение благодатного озарения* (Акафист Александру Свирскому) и др. Характерно, что в переводных текстах (в Библии и гимнографических произведениях) конструкция «знамение+Gen» встречается достаточно редко.

Архаизаторские установки ведут к тому, что в политических текстах появляются не только различные архаизмы, но и неологизмы, стилизующие язык «под старину». Приведем пример из упоминавшегося выше воззвания к русскому народу Союза Михаила Архангела:

Третья Государственная Дума закончила свое существование. Она была лучше первых двух предшественниц. Все же «русскою по духу», какую желал ее видеть наш возлюбленный Государь, названа она быть не может. Слишком много в ней было радетелей крамолы, усердно защищавших врагов порядка и отщепенцев Государства; слишком мала была горсть крепкостоятелей за правду народную, за Святую Веру Православную, за единство, достоинство и величие Державы Российской²⁵.

Если слова *радетели крамолы* можно рассматривать как устаревшие, то *крепкостоятели* – это явный неологизм, замаскированный под архаизм и отсылающий к церковному дискурсу. В церковнославянских текстах есть прилагательное *крепкостоятельный*: *мир крепкостоятелен миру даровати* (29 июня, апостолов Петра и Павла); *явился еси крепкостоятелен противу зимняя ярости* (2 августа Василия блаженного). Согласно данным Национального корпуса в русских текстах также встречается это прилагательное, в основном в контекстах, связанных с церковной жизнью (*крепкостоятельный пастырь*, *крепкостоятельный монастырь*). В «Истории России» С. М. Соловьева встречается также существительное *крепкостоятельство*. При этом слово *крепкостоятель* в корпусе не зафиксировано.

IV

Агитационные материалы Партии народной свободы мы заимствуем из фундаментального трехтомника «Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905-1920 гг.²⁶». Листовок и воззваний здесь очень мало, существенно меньше, чем в аналогичных антологиях,

25. Кирьянов, *Правые партии...*, т. 2, с. 216.

26. *Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905-1920 гг.*, т. 1-3, М., РОССПЭН, 1997-2000.

посвященных другим партиям. Насколько можно судить по выявленным документам, славянизмы и речевые конструкции, восходящие к церковной традиции, у кадетов практически отсутствуют. Тексты воззваний написаны на хорошем литературном языке²⁷.

В кадетских текстах нам удалось обнаружить лишь стандартные выражения, относящиеся к высокому стилю и характерные для торжественной речи. Например, *павшие на поле брани, благоговейно* и др. Вот пример, заимствованный из «Воззвания шестого съезда Партии народной свободы» (1916 г.):

Партия народной свободы, горячо приветствуя борцов за родину, благоговейно преклоняясь перед памятью павших на поле брани, вновь призывает всех граждан России к сохранению прежней бодрости духа, веры в будущее и в силы русского народа²⁸.

В текстах на русском литературном языке выражение *поле брани* встречается с конца XVIII века (например, у Карамзина). В то же время оно практически незнакомо церковнославянским текстам. Исключение составляет служба Богородице в честь Донской иконы (19 августа), где это словосочетание встречается трижды. Учитывая единичность примеров, можно предположить, что в церковнославянском языке это выражение появилось под влиянием русского. Слово *благоговейно*, хотя исторически и является церковнославянизмом, но при этом оно не является архаизмом и стилистическим маркером, отсылающим непосредственно к церковному дискурсу. Согласно данным Национального корпуса слово *благоговейно* широко представлено в текстах разных жанров с XVIII в. по сегодняшний день.

Характерно, что основной формой обращения к своей аудитории в кадетских документах является слово *граждане* (а не *товарищи*, *братья*, *соотечественники*, *православные* и т. д.): *Граждане, тут нет выбора и не может быть колебаний!... Граждане, дело отпора врагу неразрывно связано с делом нашего внутреннего устройства*²⁹. Обращение *граждане*, отсылающее к свободным гражданам Рима, предполагает образованную аудиторию, имеющую представление о проблемах организации общества.

27. В качестве примера непосредственного обращения Партии народной свободы к широкой аудитории приведем фрагмент одного из воззваний этой партии, относящегося к 1917 году : С негодованием отвергая выставленное против нее обвинение в намерении обратиться Учредительное собрание в орудие гражданской войны, партия народной свободы заявляет, что ей не в чем оправдываться. Она заявляет, что стремления большевиков создать процесс против ее представителей, подобно тому, как это делалось в старые времена против социалистов, есть не что иное, как недостойный акт мести по отношению к противникам, разоблачающим темные и лживые пути большевистской политики (*Съезды и конференции конституционно-демократической партии...*, т. 3, с. 412).

28. *Съезды и конференции конституционно-демократической партии...*, т. 3, с. 345.

29. Там же, т. 2, с. 2.

V

Документы партии Социалистов-революционеров мы рассматриваем по трехтомной публикации, подготовленной Я. В. Леонтьевым³⁰. В опубликованных материалах имеется значительное количество листовок, обращений к трудовому народу, к русскому крестьянству и т.д. При этом в обращениях эсеров нет никаких скидок на низкий образовательный уровень адресата. Листовки содержат пространные рассуждения, приводят исторические аргументы. Кажется, лидерам партии и составителям воззваний не приходит в голову мысль, что их тексты могут быть непонятны. Создается впечатление, что эсеры очень плохо владеют жанром «воззвание к народу». Их воззвания – это не просто агитация и призыв, а выстроенное доказательное утверждение, апеллирующее к логике, чего почти нет, например, в большевистских листовках. Вот, например, фрагмент из Манифеста «Сознательному трудящемуся населению России» (1915 г.):

Вдумайтесь хорошенько в создавшееся теперь положение дел. Вы очень ошибаетесь, если вообразите, что рабочему народу нет надобности защищать свою страну. На самом деле, [...] так называемым высшим классам, т.е. более и менее богатым людям – гораздо легче избежать невыгодных последствий поражения их страны. Возьмем для примера франко-прусскую войну 1870-1871 гг.

Когда немцы осадили Париж и когда в нем поднялись в цене все предметы необходимости, то, разумеется, бедные страдали гораздо более, нежели богатые. Точно также, когда Германия взыскала с побежденной Франции пять миллиардов военного вознаграждения («контрибуции»), то заплатила его, в последнем счете та же беднота [...]

Этого мало. Наиболее вредным для Франции последствием ее поражения 1870-71 гг. было замедление хода экономического развития, задержавшее рост освободительного движения ее рабочего класса. Вы понимаете, что чем медленнее растет это движение, тем более отдалается время освобождения трудящейся массы от ее эксплуатации высшими классами³¹.

Видно, что такое рассуждение больше похоже на фрагмент учебника по истории, чем на агитационный материал.

Если же говорить об архаизмах и славянизмах, то в эсеровских листовках их немного, но все-таки они встречаются. В частности, авторы этих листовок активно используют союз *ибо*:

Их голос должен быть услышан. *Ибо* это – не голос одного Петербурга: от имени всей революционной России призван говорить в решительные дни петербургский пролетариат и «полки 27-го февраля» (1917 г.)³².

30. *Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1917-1925 гг.* [Составитель, автор предисловия, введения и комментариев Я. В. Леонтьев], т. 1-3, М., РОССПЭН, 2010-2017.

31. *Партия левых социалистов-революционеров...*, т. 2, с. 496.

32. Там же, т. 1, с. 49.

Ибо день за день, от шага к шагу, мы видели, как сводится революция с прямого пути – пути социальной свободы, на который победно вышли мы наконец после долгих лет одиночной героической борьбы за освобождение труда, за Землю и Волю – на кривые пути компромиссной политики, пути, ведущие вместо простора свободного социального строительства в тупик буржуазной республики, в которой по-прежнему лишь призраком будет воля и по-прежнему согнут будет под ярмом капитализма труд – высшее, лучшее, единственное человеческое благо³³.

По наблюдениям А. М. Селищева, в послереволюционную эпоху конструкции с *ибо* получили очень широкое употребление.

Теперь, – писал Селищев, – нет советского деятеля без *ибо*. *Ибо* – один из элементов книжных, церковнославянских. Воздействие канцелярского языка и языка авторитетных деятелей способствовали распространению сочетаний с *ибо*³⁴.

В другом месте Селищев называет *ибо* среди слов, появившихся в речи деревенских жителей³⁵. Не так важно, чем по происхождению является союз *ибо*: славянизмом или канцеляризмом, то есть мы не знаем из какого типа текстов (церковных или бюрократических) он был позаимствован при его активизации в литературном языке. Но важно, что союз *ибо* использовался в качестве языкового средства, отсылающего к торжественному языку прошлого.

Спорадически в эсеровских листовках встречаются религиозная лексика, что соотносит тексты воззваний с церковной проповедью. Например, выражение *идти на распятие* употребляется в значении ‘быть готовыми умереть’:

Мы не хотим быть рабом ни одного из международных империалистических хищников, и за это мы пойдем на распятие, откуда бы оно ни исходило – от капиталистов или от большевиков³⁶.

VI

Агитационные материалы большевиков в советское время издавались очень активно. Имеются не только сборники листовок и прямых обращений к народу, изданных центральными органами партии, но и сборники региональных листовок. Из всей той массы материала мы выбрали сборник «Голос великой революции³⁷», в котором собраны наиболее известные тексты, разошедшиеся на цитаты. Выбор именно этого сборника является более или менее произвольным. Для решения наших задач было необхо-

33. Там же, т. 1, с. 49-50.

34. Селищев, *Язык революционной эпохи...*, с. 61.

35. Там же, с. 213.

36. *Партия левых социалистов-революционеров...*, т. 2, ч. 1, с. 427.

37. *Голос великой революции*, сост. Г. Д. Костомаров, М., изд. политической литературы, 1967.

димо проанализировать выборку листовок или прямых обращений к народу, а данный сборник вполне подходил для этой цели.

Обращаясь к агитационным материалам разных партий, мы ожидали, что риторика левых партий будет примерно одинакова. Однако при знакомстве с текстами воззваний и прокламаций становятся видны существенные отличия. Выясняется, что в большевистских листовках содержится большее количество славянизмов и клише, отсылающих к библейской или церковной проблематике, чем в листовках других левых или центристских партий. Арсенал славянизмов, которые используют большевики, очень разнообразен.

В большевистских прокламациях используются слова, общие для русского и церковнославянского языков, но при этом в церковнославянском значении. Так, например, в одной из листовок встречается слово *гад*: *Колчак – последний гад, которого надо раздавить*³⁸. Слово *гад* здесь употребляется в церковнославянском значении, ‘змея, пресмыкающееся, существо, ползающее по земле’³⁹. На активизацию церковнославянского значения указывает глагол *раздавить*: раздавить можно лишь то, что находится на земле.

Большевистские пропагандисты широко использовали славянские подчинительные союзы *ибо* и *дабы*:

Никакого доверия «новому» правительству, ибо оно останется правительством капиталистов⁴⁰.

Наша партия думает, что следует, и советует крестьянам на местах тотчас брать всю землю, делая это как можно более организовано, никоим образом не допуская порчи имущества и прилагая все усилия, чтобы производство хлеба и мяса увеличилось, ибо солдаты на фронте бедствуют ужасно⁴¹.

Дабы облегчить положение рабочих⁴²...

О стилистической функции союза *ибо* мы уже упоминали выше. То же самое можно сказать и о союзе *дабы*, который, безусловно, является лексическим архаизмом⁴³.

Коммуникативно обусловленное обращение к языковой архаике вело к появлению псевдоархаизмов, то есть неологизмов, образованных от реально существующих в языке архаизмов и историзмов. Так, например, в листовке 1920 г. Московского комитета РКП «Да здравствует коммунизм!» появляется слово *страдничавшие*.

38. *Голос великой революции...*, с. 167.

39. О. А. Седакова, *Церковнославянско-русские паронимы...*, с. 102.

40. *Голос великой революции...*, с. 25.

41. Там же, с. 27.

42. Там же, с. 116.

43. Современные словари снабжают союз *дабы* пометой устаревшее. См., например, *Большой академический словарь русского языка*, М.-СПб., Наука, 2006, т. 4, с. 485.

Кровью спаянные на полях сражения, вместе страдничавшие в боях, вместе побеждающие многочисленных врагов, крестьяне и рабочие соединяются и здесь, и в тылу, чтобы вместе на одном поле, трудовом, бить врага – разруху⁴⁴.

Глагол *страдничать* не зафиксирован ни в исторических словарях, ни в Национальном корпусе русского языка. При этом существует слово *страдник*, которое является историзмом и отсылает к реалиям XIV-XVI вв. БСЭ определяет его следующим образом: «страдники – страдные люди (от «страда» тяжелая полевая работа) на Руси XIV-XVI вв.; холопы, посаженные на землю и обязанные обрабатывать барскую пашню». В другом значении, как диалектное слово, оно зафиксировано в словаре Даля: «арх.об. батрак, работник, особ. на летнее время, с мая по октябрь». Являющийся неологизмом глагол *страдничать* связан с исходным словом *страдник* только формально. В данном контексте (речь идет о Гражданской войне) слово *страдничать* не соотносится с тяжелыми сельскохозяйственными работами, оно ближе по значению к однокоренному глаголу *страдать*⁴⁵.

Как псевдославянизмы можно рассматривать и выражения, воспринимающиеся как церковнославянские, однако не встречающиеся в стандартных церковнославянских текстах. Например, выражение *стоустая буржуазная печать*, встречающееся в листовке 1917 г., отсылает нас к церковнославянскому *уста*: *Вы сами знаете, с каким остервенением борется против нас вся стоустая буржуазная печать*⁴⁶. Прилагательное *стоустый* не относится к числу часто употребляемых слов. Оно появляется в русских текстах с конца XVIII в. в составе словосочетания *стоустая молва*, при этом в сочетании с другими существительными зафиксированы лишь единичные случаи употребления. Согласно данным Национального корпуса выражение *стоустая печать* впервые встречается у В. В. Розанова: *Каждая его острота повторялась бы стоустою печатью, и он пожал бы всю жатву прославления и денег, пошедшую в короб Горькому и Л. Андрееву* (Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине, 1912). После 1917 и до середины 20-х годов прилагательное *стоустый* встречается достаточно часто⁴⁷.

44. *Голос великой революции...*, с. 220.

45. Исторические словари фиксируют примеры, когда слова, родственные со словом *страдник* употребляются в значении 'страдание': «А только нам грамоту и печать покажешь, как бездушеством отец твой Гаустаус делал и королевства достал, ино и того лутче, нам о том писати много не надобе – сам свое страдничество написал» (Шведские дела, 1572-73 гг.) *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, т. 28, *Старичекъ-Сулебный*, М., Наука, 2008, с.121.

46. *Голос великой революции...*, с. 11-12.

47. Вот некоторые примеры из Национального корпуса: «На фоне авторитетных комментариев Чхеидзе и стоустых дополнений к ним со стороны печати [...] все офицерство в казармах, все «мамелюки» в советских сферах, все оборотничество на всех углах разведут в этот критический момент такую мутную волну, которая может отбросить революцию далеко от правильного руся.» (Н. Н. Суханов, *Записки о революции*, Кн. 2, 1918-1921). «За спиной этой прекрасной пехоты спокойно шла в Владимире-Волыньском работа и, хотя стоустая молва во много раз преувеличивала силы

При изучении большевистских листовок неожиданным оказалось обилие обращений, принятых в церковном, а не светском обиходе. Так, наряду с ожидаемым обращением *товарищи*, не так уж редко встречаются *братья* и *сестры*, (например, *братья-солдаты*⁴⁸ или же *хвала вам, петроградские сестры*⁴⁹ и др.).

В агитационных материалах большевиков очень активно используются слова *проповедь* и *проповедовать*, которые принадлежат церковному дискурсу:

Нам предстоит борьба против всех буржуазных партий и против всех мнимосоциалистических партий, проповедующих союз с буржуазией⁵⁰.

Никакого доверия к «оборонческим» партиям, проповедующим соглашение с капиталистами⁵¹.

Поэтому необходимо теперь же начать нашу социалистическую проповедь среди солдат⁵².

Влияние церковной книжности на большевистские агитационные тексты не ограничивается лексическим уровнем. Риторическая организация обращений большевиков к народу испытала заметное влияние церковной проповеди. Если тексты воззваний поставить рядом, например, с написанными тогда же посланиями патриарха Тихона, сходство бросится в глаза:

венгерской кавалерии, никто не считал возможным, что венгерцы могут овладеть городом и выбить из окопов российскую пехоту.» (П. Н. Краснов, *От Двуглавого Орла к красному знамени*, Кн. 1, 1922). «Отступление с Карпат и тяжелое поражение, понесенное соседом нашим, 3-й армией, раздуваемое стоустой молвой, невольно поколебало уверенность в себе и в своей непобедимости ; отсутствие огнестрельных припасов так же имело громаднейшее влияние на самочувствие войск.» (А. А. Брусилов, *Воспоминания*, 1923).

48. *Голос великой революции...*, с. 20.

49. Там же, с. 203.

50. Там же, с. 33.

51. Там же, с. 25.

52. Там же, с. 40.

«Первое мая». Обращение Центрального комитета РСДРП(б). Напечатано в газете «Правда» 18 апреля 1917 г. ⁵³	Послание Святейшего Патриарха Тихона «Всем верным чадам Православной Российской Церкви» с призывом к всенародному покаянию в грехах в наступающие дни св. Успенского поста. 26.07 (08.08) 1918 г. ⁵⁴
<p>Третий год проходит с тех пор, как рабочие всех стран, вчера еще кровные братья, а ныне переодетые в солдатские шинели, стоят друг против друга, как враги, калеча и убивая друг друга на радость врагам пролетариата.</p> <p>Массовое истребление живых сил народов, массовое разорение и нищета, развалины когда-то цветущих городов и деревень, массовый голод и одичание – все это для того, чтобы кучка коронованных и некоронованных хищников грабила чужие земли.</p>	<p>Грех разжег повсюду пламень страстей, вражду и злобу, и брат восстал на брата, тюрьмы наполнились узниками, земля упиивается неповинной кровью, проливаемой братскою рукой, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою. [...]</p> <p>О, кто даст очам нашим источники слез, чтобы оплакать все бедствия, порожденные нашими всенародными грехами и беззакониями – помрачение славы и красоты нашего Отечества, обнищание земли, оскудение духа, разорение градов, поругание храмов и святынь и все это потрясающее самоистребление великого народа, которое сделало его ужасом и позором для всего мира.</p>

Мы видим, что в обоих текстах в связи с братоубийственной войной используется библейский топос, отсылающий к крови Авеля, пролитой его братом Каином. За обоими текстами, пусть и не в явном виде, стоят слова Евангелия Мф. 10:21 («Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их»). Библейские интонации слышны и в описании тех бед и разрушений, которые принесли России события войны и революции. Перечисления бед похожи на обличительные пассажи ветхозаветных пророков, предрекающих гибель Иерусалима. Таким образом, оба текста, говоря о трагических событиях современности, используют библейскую топику и интонации.

Наконец следует упомянуть вопросно-ответную форму подачи материала, сознательно ориентированную на различные версии православного катехизиса. Такую форму организации материала широко использовали и проповедники.

53. *Голос великой революции...*, с. 17.

54. *Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг.*, сост. М. Е. Губонин, М., Православный свято-Тихоновский гуманитарный институт, 1994, с. 146.

<p>«Вся власть в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» Военная организация при Центральном Комитете РСДРП. 26 мая 1917 г.⁵⁵</p>	<p>Макарий (Невский), митр. Московский и Алтайский. Воззвание к православным христианам о помощи благовестникам веры среди язычников и магометан⁵⁶.</p>
<p>1. Кто начал войну? Народ или царь и капиталисты с помещиками? Войну начал царь и капиталисты с помещиками. Русские капиталисты и помещики заключили союз с капиталистами французскими, английскими, итальянскими и румынскими – против капиталистов немецких и австрийских.</p> <p>2. Ради чего ведется война? Ради интересов народа или богатых людей, капиталистов, помещиков? Война эта грабительская, захватная. Ведется она ради захватных целей, ради барышей капиталистов и помещиков с целью насильственно поделить между большими хищниками целые народы и беззащитные маленькие государства.</p> <p>3. Необходимо ли продолжать войну? Войну надо кончить, если мы не хотим окончательной гибели России и других стран, голода, страданий и разорения целых миллионов людей ради барышей богатых людей.</p>	<p>Православные христиане, сотворите, Христа ради, святую милостыню! Быть может, кто-либо спросит, кому подать милостыню? Подайте ее Самому Христу. Как это сделать? Сам Христос примет вашу милостыню, если вы направите ее на дело Христово. Какое это дело? Это то дело, ради которого Господь наш Иисус Христос приходил на землю, ради которого Он принес Себя в жертву, то есть пострадал и умер на кресте.</p>

VII

Таким образом, вполне справедливое наблюдение исследователей, указывавших на появлении славянизмов в политических текстах революционной эпохи, может быть объяснено. Поскольку существенная часть жителей страны была воспитана на церковнославянских и гибридных текстах, обращение к широким массам требовало от политического деятеля использования архаизмов (в первую очередь славянизмов) как стилистического приема. Соответственно, успех коммуникации, а значит и политической агитации, был связан с умением пользоваться этим пластом языка. Общеизвестно, что большевистская агитация была весьма действенной и эффективной, поэтому нет ничего удивительного, что большевики охотно используют в листовках и прокламациях церковную риторику. Использование церковной риторики большевики сочетали с жесткой антицерковной политикой, поэтому исследователям позднейших эпох было достаточно сложно увидеть библеизмы в речах богборцев-большевиков. Весьма характерна в этом связи является работа А. Л. Бема «Церковь и русский литературный язык», в которой прослеживается влияние церковных

55. *Голос великой революции...*, с. 37-38.

56. *Святитель Макарий (Невский), митр. Московский и Алтайский. «Единое на потребу», проповеди, слова, речи, беседы и поучения*, М., Булат, 2012, с. 97.

текстов на русскую лексику, а затем делается вывод, что гонения на Церковь приводит к деградации языка:

Борьба с Церковью в Советской России и насаждение безбожия имело своим следствием оскудение русского языка, подрыв в нем одного из существенных элементов, связанного с наследием вековой греко-болгарской культуры. Это обеднение языка находится в прямой связи ослаблением Церкви, являющейся на протяжении вековой истории России носительницей и охранительницей церковной струи русского литературного языка⁵⁷.

Как мы видели, в действительности все обстояло не совсем так. Последовательная антицерковная политика большевиков прекрасно сочеталась с широким влиянием церковных текстов на язык агитационной литературы.

Выходя за хронологические рамки данной работы, хочется упомянуть известную речь Сталина 3 июля 1941 года, где звучало обращение «братья и сестры». Говоря об этой речи, обычно вспоминают семинарское прошлое Сталина. Однако, вероятно, с тем же успехом можно сказать, что Сталин апеллирует не только к своему семинарскому прошлому, но и к своему партийному прошлому, к большевистской риторике тех времен, когда большевики старались установить коммуникацию с самыми широкими массами.

57. А. Л. Бем, *Церковь и русский литературный язык*, Прага, Русская ученая академия, 1944, с. 6.